

Олег Верещагин
Моего пса зовут Враг

Олег Верещагин

Моего пса зовут Враг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38271007

ISBN 9785449348111

Аннотация

В самом конце казавшейся бесконечной войны, на вчера ещё фронтной планете, в лагере для пленных живут злейшие враги землян – сторки. А вокруг лежит мир их победителей. Взаимная ненависть никак не желает угаснуть...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

42

Моего пса зовут Враг

Олег Верещагин

А в странах за морем, где люди крылаты

Жил брат мой, он был королём...

С. Калугин. Рассказ Короля-Ондатры

о рыбной ловле в пятницу

© Олег Верещагин, 2018

ISBN 978-5-4493-4811-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предварение: *в обществе сторков уже очень давно сосуществуют два языка – системный и древний. Древний язык чрезвычайно богат эпитетами, метафорами, скрытыми смыслами, формальными структурами и «намёками на намёки» (а так же – ругательствами и проклятиями, употребляемыми, впрочем, очень осторожно, так как любое бранное слово на древнем языке может вылиться в конфликт между целыми Родами). Язык этот используют почти исключительно родовитые сторки. Системный же язык – язык обывательской жизни, техники, науки и повседневного общения. Читатели могут при определённом внимании и чувстве слова и ритма определить, где герои-сторки гово-*

рят на древнем, а где – на системном. Хотя, естественно, в тексте оба языка переданы почти полностью русским.

Предварение-II: здесь, как и почти везде в моих произведениях, в которых речь идёт о других планетах, названия и описания флоры и фауны взяты с замечательного сайта Павла Волкова <http://sivatherium.narod.ru>.

ЛЕТО 23-ГО ГОДА ПЕРВОЙ ГАЛАКТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ.

Планета Зелёный Шар

(колония Русской Империи)

3-я планета ЭТА-Кассиопеи

(солнце Ахрид (А); 19,4 св. лет от Земли)

ЛАГЕРЬ ДЛЯ ИНТЕРНИРОВАННЫХ ЛИЦ НЕДАЛЕКО ОТ ПОС. ПРИБРЕЖНЫЙ

Земной карцер – это параллелепипед из бетона, по земным же меркам – два метра в длину, два в высоту, один в ширину. Бетон обшит серыми деревянными плашками, стены не голые, но всё равно унылые, как длинный дождливый вечер. В этом закутке – топчан «без ничего» (правда, он сам по себе мягкий, с удобной упругой обтяжкой, которую регулярно моют) и унитаза, над которым кран с питьевой водой и гибким шлангом (в углу есть решётка в полу, можно кое-как принять душ, если не брызгаться особо). Кондицио-

нер на стене, он поддерживает в помещении постоянно одну и ту же температуру, влажность и всё такое прочее. Длинная белая лампа на потолке, ровно в одиннадцать вечера она выключается, в семь утра – включается. Утром, в девять часов, завтрак – кружка сладкого горячего напитка, *какао* – и большой кусок чёрного хлеба. Всё.

В карцер можно посадить, только если тебе – снова по-земному – исполнилось семь лет. И не больше чем на десять суток. Если сажают больше чем на пять, то ещё дают горячий ужин, кашу какую-нибудь или пюре, тоже с чаем и с хлебом.

Он сидит трое суток. На сколько сажают – никогда не говорят.

Есть хочется очень, но не так сильно, как вчера-позавчера. Да и вообще к чувству недоедания он привык давно, оно даже почти не доставляет неудобства. Куда неприятней одиночество и понимание того, чем всё это закончится. И ещё злость на себя.

До сих пор Сейн кен ло Сейн токк Сейн ап мит Сейн ни разу не попадался... Он подумал о себе именно так – полным именем – и внезапно тихонько рассмеялся, лёжа на топчане и глядя в потолок. Предки, наверное, умирают от хохота, глота на то, как **Сейн кен ло Сейн токк Сейн ап мит Сейн** ворует еду. Нет, они не укорят, в воровстве у врага нет ничего зазорного. Но они посмеются, потому что это удел детей. Маленьких детей, которые не могут **отобрать** у врага и не должны унижаться, чтобы **просить** у врага. И вдвой-

не посмеются, потому что он и попался, как несмышлёный мальчишка.

А он воин. Настоящий воин, он уже воевал...

...В коридоре слышались размеренные шаги, и мальчик поспешно сел на топчане, упершись в него руками как можно сильней и уставившись на дверь. В зелёных больших глазах появились тоскливая бессильная злость и самая чуточка опаски. Он не сводил взгляда с большой воронки закрытого снаружи бронезаслонкой окошка в двери. В карцере есть и камеры, не может не быть, но это окошко изводило невероятно. Именно оно.

Охранник иногда открывает окошко и смотрит. Внимательно и очень долго. Очень. Один и тот же, охранники меняются, но другие так не делают, просто заглянут коротко, проверят, что к чему – и всё... а этого Сейн ещё в коридоре по шагам узнаёт. От этого взгляда становится не по себе и почему-то думается: сейчас он просунет в окошко пистолет и застрелит. Даже хочется закричать: «Ну стреляй, хватит уже!» – и перед глазами то, как тот выстрелит, и не один раз, и придётся умирать в этой поганой конуре. А умирать так не хочется, ни здесь, ни ещё где-то, если честно...

Нет, конечно, землянин так не сделает. Земляне вообще так не поступают. Но вдруг он, например, сойдёт с ума – и?..

Ещё было почему-то жутко думать, что, может, он и по ночам так делает? В смысле, открывает глазок и смотрит?..

...Окошко с мягким щелчком открылось. Да, это был он –

среднего возраста (а скорей – пожилой, просто у землян, как и у строков, почти нет дряхло выглядящих; пожилой же – потому что в охране молодых и даже среднего возраста людей – всего ничего...), внимательные карие глаза (противный цвет, как вода в низинном лесном болоте, ни у кого из сторков нет таких глаз), плотная складка губ... Сейн встретил его взглядом – тоже молчаливым и упрямым, не отводя глаза. Ни он никогда не говорил ничего землянину, ни землянин – ему...

– Есть хочешь? – вдруг спросил землянин. Голос у него был чуть хрипловатый. Он говорил по-русски, тут почти все земляне – русские... и как же они, малочисленные, да ещё и поделенные на десятки разных народов, смогли одолеть Альянс?!

Сейн от изумления окаменел на койке. Ему показалось, что он что-то не так понял в чужом, хотя и привычном уже, языке.

– Хочешь есть? – повторил землянин тихо. – Скорей думай, а то мне влетит.

– Нет, – отозвался наконец Сейн. Это было одно из первых слов русского языка, которое он выучил, потому что так полагалось отвечать на всё, что предлагает враг. – Нет, не хочу.

– Ты же еду крал, – сказал землянин.

– Кража – это не подачка, – ответил Сейн. – Я ничего у вас не возьму.

– Тебя выпустят завтра, – землянин смотрел, как прежде – пристально, немигающе. Этот взгляд и его предложения

и явное сочувствие в голосе как-то не совпадали. Но Сейн это отметил как-то сбоку от основной мысли: **сегодня выпустят!** Хотелось спросить «куда меня?», пусть и было ясно – куда. Чтобы хоть секунду понадеяться – вдруг **просто так** выпустят? Нет, конечно... Стало тоскливо. И неприятно-страшновато. Точней... это был не страх, а какое-то именно неприятное ощущение-ожидание. Землянин, наверное, думал, что успокаивает его. Но на самом деле теперь всю ночь придётся думать о завтрашнем утре.

– Тем более потерплю, – отозвался наконец Сейн. Землянин вздохнул, снова щёлкнула заслонка. Сейн опять лёг, заложил руки под голову и подумал, что всё-таки уже вечером он будет... ола, чуть не подумалось – «дома».

Нет, не дома, конечно. Но хотя бы среди своих. Мать наверняка извелась от беспокойства. Когда у женщины малыши – она словно теряет часть рассудка, становится слегка невменяемой. Интересно, у земных женщин это тоже так? Он раньше видел земных женщин несколько раз – в нескольких хозяйствах на Арк-Келане были земные рабы. И мальчишек-землян там же видел, и всякий раз хмыкал про себя снисходительно даже – самое им место, ишь, чего вздумали – воевать с Народом! Вот и пусть теперь работают на Него, как и положено...

...Те мальчишки и те женщины сейчас, наверное, свободны (если не погибли во время восстаний рабов, которые везде начались сразу после высадки земных десантов – эти

восстания, судя по всему, и были подготовлены землянами)
А он...

– Я не раб, – сказал Сейн, снова садясь. – Я не раб, я пленный.

Ему стало трудно дышать, и он повторил – громко, упрямо:

– Я пленный. Пленный...

...Ему ещё не полагалось воевать по возрасту, даже сейчас, когда Сторкад выскребал последний резервы. Но кто думал про эти «полагалось», «не полагалось»... Земляне свалились на Арк-Келан, как они говорят, «как снег на голову» (очень правильная пословица, кстати...) Никто даже толком не понимал, что случилось, все думали, что бои в системе Сельговии – это просто отчаянная и, конечно, неудачная попытка землян переломить ход войны в свою пользу, ждали известий об окончательной победе. На Арк-Келане совсем не было, точнее – просто не осталось, регулярных частей, ни на поверхности, ни на орбите. Хорошо ещё, что ПКО прикрыла часть поверхности и дала возможность жителям спастись – уйти в леса, спуститься в убежища... Но надолго её не хватило, этой обороны – земляне сбрасывали на её узлы начинённые взрывчаткой управляемые автоматами трофейные корабли, вводя их в атмосферу вне зоны прикрытия ПКО. (Рассказывали ужасное – что в таких кораблях были ещё и заперты пленные, взятые на Сельговии. Тогда Сейн в это верил. Теперь, познакомившись с землянами

ближе – перестал...) Сейн хорошо запомнил, как видел одну такую «комету» – страшный ало-золотой шар, весь в кипении воздуха, обманчиво-медленно снижался, оставляя за собой плотный, свитый в косу, сероватый след, в направлении горного хребта, потом – ударил, и Сейн тогда с трудом устоял на ногах, хотя до гор было почти двадцать луакк¹. А горы, жутковато, невозможно просевшие в ало-белой вспышке, стремительно затянуло бурлящей коричнево-чёрной с алыми проблесками пеленой... Когда же от ПКО ничего не осталось – на планету пошли земные десанты, и это было непередаваемо жутко: вражеские солдаты на планете, которая – твоя родина...

...Он спрятал мать с малышами в пустующем убежище, на которое наткнулся случайно, до положенного им по плану они уже просто не могли добраться. А сам воевал несколько дней в добровольческом отряде, где немало бойцов было его возраста или даже младше, а командовал – ветеран-инвалид. Отряд таял на глазах – сначала в нём было не меньше двухсот воинов, через пять дней – двадцать три. Сейн не помнил, чтобы боялся – нет, страх остался где-то в стороне. Он просто делал, что мог. А мог он мало, потому что земляне были сильней. И даже казалось, что они – многочисленней, хотя умом Сейн понимал: это не так. Может, так казалось ещё и из-за того, что сразу же взбунтовались и рабы, и туземцы, земляне сбрасывали им огромные контейне-

---

¹ Луакка = 5700 м.

ры с оружием и возглавляли их наскоро собранные отряды. И всё время, всё время требовали сдаться: зовущий в плен рёв громкоговорителей временами казался ужасней обстрела или боя. Это было непонятно и страшно – зачем нужны землянам сдавшиеся враги? И, конечно, приходили в голову самые жуткие мысли. Все сторки были уверены, что пленных тут же отдадут туземцам – что бывает со сторками, попавшими в их руки, видел каждый, и не раз... Поэтому желающих сдаваться не было.

По крайней мере, у них в отряде.

Держаться и драться помогало то, что земляне тоже умирали. Они не были бессмертными воинами, которых рождает колдовство злых хадди. Их можно было убивать, и Сейн помнил, какая дикая радость его охватила (словно выиграна вся война или, по крайней мере, отбито нашествие на планету!), когда он впервые увидел горящую плоскую машину и разбросанные взрывом прочь от неё фигуры врагов – они вскакивали, бежали, снова падали, вскинув руки, в вихрях охватившего их пламени. Он тогда хотел подбежать и посмотреть, но командир удержал его и других мальчишек – из огня, из носа машины, продолжали бить два пулемёта, и сквозь их пальбу и рёв пламени доносилось сорванное и полупонятное: «Вот вам... вашу так... врёте, не ваш... вот вам...»

Землянин так и сгорел, стреляя по сторкам сразу из двух пулемётов.

Они не просто умирали – они ещё и **умели** умирать, эти

земляне. К сожалению – они умели и побеждать. И Сейн испытал это на себе...

...В развалинах их накрыли вертолётёты. Вылетели на отдыхавший отряд парой – длинные, стремительные, серо-зелёные, опустившие к земле выпуклые гранёные «головы» боевых кабин – и сразу словно бы взорвались огнём буквально отовсюду: из-под этих кабин, из-под коротких крыльев, из-под плоских голубоватых днищ с нарисованными чёрным звериными мордами²... Сейн забился под какие-то камни, потом ударило совсем рядом – и... он пришёл в себя только на руках у матери. Видимо, контуженный, добрёл в полубессознательном состоянии, почти как автомат, туда, где оставил близких. Он хотел потом, немного отлежавшись, вернуться к своим, искать живых, сражаться в одиночку, в конце концов.

Но не успел...

...Он попал в плен из-за матери. Точней, из-за младших в первую очередь. Земляне слышали плач, когда они все прятались в нижней комнате, земляне постучали в дверь – негромко, почти вежливо. А дверь даже не была заперта. Что-то спросили. А потом...

...Сейн до сих пор с отвращением вспоминал свой страх, когда земляне вошли – показалось, что их бесчисленное множество и они все огромного роста. Его даже затошни-

---

² Чёрная волчья голова была в годы Первой Галактической Войны эмблемой Объединённых ВВС Земли.

ло тогда (или, может, из-за ещё не прошедшей страшнойшей контузии?) А когда один из них подошёл к матери, пришла и ещё одна мысль: **обманули!!!** Малышам сейчас разобьют головы, сломают спинки или сделают какую-нибудь ещё более страшную вещь, а мать... Он рванулся на помощь, его цепко и сильно схватили за плечи, ещё больше укрепив в ужасной уверенности. Но подошедший землянин откинул округлое забрало шлема и оказался молодой женщиной, усталой, однако красивой. Мать за нею следила, левой рукой прижимая к себе плачущих младших детей, а правой держа перед собой небольшой гражданский бластер – оскалив зубы, чуть нагнув голову. Женщина протянула пустые руки и сказала на отличном сторкадском, старом:

– Вас никто не тронет. Отдайте оружие, пожалуйста.

И Сейн увидел, как мать словно бы подникла. Уронила бластер в протянутую руку и, обняв малышкой, спрятала лицо между ними, что-то шепча.

Земляне один за другим откидывали забрала, оглядывались, переговаривались, обшаривали убежище. Как во сне, Сейн видел, что под забралами оказались мальчишки. Может, чуть старше самого Сейна. Взрослый мужчина был только один, и уже немолодой, но мощный, кряжистый – с пулемётом наперевес, он остался наверху лестницы. А у мальчишек были немного смущённые лица, как будто они находились в нежеланных гостях. Они переглядывались, тихо о чём-то говорили, посматривали на сторков, один подо-

шёл словно бы невзначай к малышам, опустился на корточки и с поразившей Сейна ласковой улыбкой стал играть с ними – что-то делал со своими пальцами, показывал из них разные фигуры, потом – хотел погладить детей по головкам, но мать не дала, и у землянина сделалось обиженное лицо. Он встал и, поправляя снаряжение, сказал сипловатым, только начавшим ломаться, голосом:

– – No les haré mal. Mí no el animal,³ – и добавил на плохом общем сторкадском: – Звэт. Мэй. Ци’тэр. Д’райт. Звэт ир,⁴ – и показал себе в грудь...

...Сейн ещё долго не верил, что земляне ничего не сделают плохого ни ему, ни маме с малышами. Он всё время был настороже, готовый вступить в последнюю схватку – и в то же время мучился от страха и беспомощности. От него уже ничего не зависело, да и боец из него в то время был никакой. И всё-таки он был готов драться в случае чего. И когда их везли в космическом корабле, много сторков везли, было просто страшно видеть, сколько захвачено детей и женщин Народа! – и потом, уже на этой чужой планете, которую Сейн ненавидел...

Земляне постоянно говорили, что, как только война закончится, всех отпустят домой. Но... но что значит – «как только война закончится»? Как только земляне победят?! Какой может быть тогда дом, разве они – победители! –

---

³ Я не сделаю им плохо. Я не зверь. (исп.)

⁴ Два. Девочка. Сестра. Мёртвый. Два год. (искаж. сторкадск.)

оставят побеждённый Сторкад в покое?! Наверное, сторков расселят на разных планетах, плохих, конечно, и запретят им и летать в космосе, и заниматься техникой и наукой... И от Народа, не сдержавшего Клятву Огня, навсегда отвернутся Предки... Раньше Сейн боялся ещё и другого – что их просто распродадут по всей Галактике, желающих купить сторков нашлось бы много. Но, приглядевшись к землянам, при всей ненависти к ним признал для себя – нет, такого они не сделают. Они вообще ненавидели все проявления рабства...

... Чем такое «возвращение домой» – лучше всю жизнь сидеть в этом лагере. Но, стоило Сейну так подумать и представить себе эту «всю жизнь» – как от ужаса перед таким существованием начинала кружиться голова.

Ничего было не «лучше». **Не было выхода. Вообще.** Если только восстание... но как и с чем восставать? Они много об этом думали и обсуждали возможность. Выбраться из лагеря было в целом нетрудно, но где тут взять оружие, хоть какое-то более-менее стоящее оружие – никто даже не представлял... Оставалось жить тут и ждать. Неизвестно чего.

В лагере жилось голодно-вато. Поэтому мальчишки снова и снова устраивали вылазки за продуктами. Планета была сельскохозяйственной, а может, просто земляне старались побольше выращивать еды сами – но так или иначе, пожить было где. Вот только заканчивалось это не всегда без-

обидно. Местные жители такого, конечно, терпеть не собирались. Ни жители, ни власти. Ловили, наказывали... даже стреляли по грабителям, очень обидно стреляли – солью. Лучше бы уж боевыми патронами, право слово! Сейну однажды досталось, и он на всю жизнь запомнил даже не жгучую сводящую с ума боль, а беспредельное унижение от такого «ранения».

А главное – на сторков-налётчиков настоящую охоту объявили местные мальчишки-земляне. Они не применяли оружия (а у них оно, наверное, было), следуя своим каким-то кодексам чести. Но охотились они за сторками с рьяным ожесточением, как-то даже словно бы обрадованные тем, что «лагерники» то и дело выбираются в набеги. Видимо, для них, как набеги для сторков, это было тоже своего рода продолжением войны – войны, которой на их долю уже не доставалось. И это злило их и заставляло стыдиться перед теми, кто был немногим и старше – но уже сражался на фронтах или партизанил – и пытаться таким образом «добрать своё». (Хотя бывших партизан и среди них хватало, ведь на этой планете долго шли бои...) И обмануть этих врагов было намного трудней, чем взрослых (которым, конечно, некогда было на самом деле всерьёз и обстоятельно охотиться за юными налётчиками). Кроме того, в осатанении от злости на врагов земные мальчишки были слепо и безрассудно жестоки и могли и избить до невменяемого состояния (спасение было одно – упасть и лежать, лежачего не трогали ни-

когда, но сделать так сразу мешала гордость – сторки валились с ног, когда уже не могли на них стоять...) и поглумиться – как раз не жестоко, но невероятно обидно или постыдно. Последний раз двоих пойманных, голыми, связав им руки за спиной, повели через всю поселковую стройку, прежде чем сдать властям – наверное, так и провели бы до конца, если бы не вмешались взрослые и не прекратили издевательство, от которого сторкадские мальчишки плакали, не в силах сдержать стыда. Но взрослые далеко не всегда оказывались рядом. И сторки почти всегда были в проигрыше – в набег не пойдёшь большой компанией, а вот засаду устроить можно любым числом, только рассаживайся по кустам, да жди. А сторки собирались потом, уже в лагере, за бараками, где было удобное место. Считали взятое, что-то съедали тут же, но основную часть тащили в очередь женщинам и младшим...

...Набег три дня назад был удачным. Никого не поймали, и собрались все быстро. Мальчишки, усевшись в круг, с удовлетворением смотрели на сложенную в центре этого круга добычу и тихо переговаривались, обмениваясь впечатлениями. Для каждого из них похищение продуктов у землян значило не только добавку к рациону – что было немаловажно – но и греющее душу осознание того, что они вредят врагу. Хотя бы так. Не подчиняются. Похищают еду, которую враг не сможет теперь съесть.

Наконец Озлефр хлопнул ладонями по коленкам и под-

ташил к себе плетёную корзину. Все оживились, зашумели сдержанно. Сейн поинтересовался:

– Что там?

– Бутылки, – разочарованно сказал Озлефр, с унылым лицом извлекая на свет большую пузатую бутылку с самодельной наклейкой-датой и рассматривая её на свет двух прикрытых ладонями фонариков. Внутри было что-то желтовато-оранжевое. – Чтоб им повстречать самих себя в день рождения... я думал – там домашние консервы...

– Вино, наверное, – опасливо сказал Хасса. – Ну их, эти бутылки. Выкинь. От него только тошнит.

– Нет... тут какие-то лохмотья... – Озлефр рассматривал бутылку на просвет. – Это не вино... овощи всё-таки какие-то...

И, прежде чем проблему снова начали обсуждать, зубами ловко расшатал пробку, плотно закрывавшую горлышко...

...Сейн потом вспоминал, что звук был негромким – так, какой-то упругий «чпок!», сменившийся шипением. Резко запахло чем-то острым и вкусным. Но Озлефр, похоже, не мог этого оценить – его ноги торчали из-за скамьи в небо, и он, лёжа на спине, с подвывом ругался так, что все остальные онемели. Лежащая на земле бутылка продолжала толчками извергать остро пахнущую жидкость с какими-то консервированными растениями.

Наконец Озлефр сел, придерживая рукой лоб. Под пальцами быстро созрела шишка. На лице представителя рода

Хэлмон была написана сдержанная ярость, эффект от которой сильно смазывался тем, что с него текло, а один длинный кусочек овоща из бутылки висел на левом ухе.

– Ловуфка, – злобно сказал он. С отвращением выплюнул изюминку и исправился: – Ловушка!..

Но продолжить не смог – Хасса фыркнул, кто-то ещё захохотал в голос, не беспокоясь о том, что может услышать охрана, а через миг смеялись уже все. Кончилось тем, что Озлефр махнул рукой и захохотал тоже. Потом снял с уха висящее украшение и задумчиво прожевал.

– Вкусно, – оценил он, оживившись.

– Это щи, – Сейн вытащил ещё одну бутылку. – Но не те, которые суп, а те, которые пьют. Я читал про такие.

Бутылки пошли по рукам. Содержимое их почти всем понравилось, и ребята позволили себе съесть ещё – один на всех – копчёный окорок, который уже надкусили на пробу и от которого просто не было сил оторваться. Остальное решено было нести в лагерь.

Это тоже требовало осторожности. Несколько раз уже было так, что удачная, казалось бы, вылазка срывалась буквально на пороге барака. Это было обидней всего.

Охрана патрулировала периметр и постоянно следила за вылазками. Земляне плотно перекрыли все выходы – широкое бетонное кольцо без единой травинки, ночью постоянно заливаемое светом прожекторов, сенсоры... К счастью, лагерь стоял над рекой. И вот с этой стороны по множеству

причин наладить хорошую охрану никак не удавалось. Если только выставить на каждый шаг по часовому... впрочем, и эта тоже опробованная практика не помогла, сторки подкапывались под берег сверху вниз – иногда прямо из барак-ков. Но на этот раз было не так. И они уже всё переправили в барак, оставалась только большая картонная коробка с сушёными фруктами. Сейн как раз подтаскивал её к бараку, а навстречу вышел Озлефр – чтобы перехватить груз.

В этот момент их и накрыл патруль. Наверное, случайно. Резанул свет, рядовой и сержант с фонарями в руках оказались рядом с ошеломлёнными мальчишками. Рядовой перехватил Сейна за локти, тот уронил коробку, мысленно длинно выругавшись. Сержант автоматом оттеснил Озлеффра ко входу, из которого уже высунулись на шум ещё несколько ребят. Приказал:

– Стоять всем на месте! – и стал сообщать о происшествии по связи. Ясно было, что сейчас явятся с обыском, а значит – результат набега пропал.

– Это всё притащил я, – сказал Сейн. Сержант оглянулся на него:

– Один? – не без яда спросил он.

– Один, – не менее ядовито ответил Сейн. – Докажите обратное, если сможете.

И чуть кивнул упреждающе Озлефру, который уже открыл рот, чтобы возражать. Вместо этого он мучительно дёрнул головой и гневно выкрикнул:

– Голодом нас морите!

Сержант вдруг начал белеть. Сейн ни разу в жизни не видел, чтобы землянин так бледнел – глаза, казалось, запали, вокруг них пошли чёрные круги, потемнело вокруг рта... Он чуть наклонил голову и тихо, отчётливо сказал:

– Голодом? Ах ты... – сглотнул, дёрнул головой. – Голодом? Голод – это когда я для сестрёнок белок в лесу ловил⁵... а вы тут жррррррёте наше – и ещё... ещё...

– Жаль, что вы все тогда и не передохли с вашими белками! – Озлефр тоже набычился яростно. Сержант скривил рот, стремительно шагнул вперёд и яростно вскинул кулак.

Но не ударил. Постоял, весь дрожа, опустил руку, по-прежнему глядя в глаза чуть пригнувшегося, но не испуганного Озлефра и устало сказал:

– Дурак ты. Щенок глупый. А, о чём с вами говорить!

К бараку уже подбегала дежурная группа...

... – На выход, – раздался голос, и Сейн открыл глаза, дёрнулся на топчане. Оказывается, он уснул. И уже было утро, а в открытой двери стоял охранник. Незнакомый. С автоматом наперевес, на пятнистых рукавах – защитного цвета

---

⁵ В 17—18 годах Первой Галактической Войны, когда началось стремительное и успешное наступление Альянса, действительно произошёл сильный сбой в снабжении гражданского населения продуктами, связанный с потерей сельскохозяйственных планет и большим наплывом беженцев на Землю. Преодолеть его удалось только благодаря совершенной системе производства и распределения (а сам по себе он не привёл к трагическим последствиям благодаря развитой системе подсобных хозяйств и массовой культуре охоты)

двойные значки, до смешного похожие на две поставленные рядом буквы «золь»⁶. Капрал. Сейн давно выучил земные военные звания, и знал, что яркий малиновый берет на охраннике означает Корпус Ксенологов, именно они охраняли лагерь. А ещё он понимал, что все эти мысли – это от... не то, чтобы страха, от тянущего неприятного чувства. Поэтому поскорей встал, одёрнул куртку. Землянин выпустил его – глядящего мимо охранника – в коридор, приказал: – Направо, марш.

Идти было тошно. Хотелось шагать поскорей, чтобы всё быстрее кончилось. И в то же время, конечно, спешить нельзя. Чтобы никто не подумал, что он... ну нет же, не страшно ему. Противно.

Дверь в конце короткого коридора открыл второй охранник. Снаружи было солнечно и ветрено, вокруг помоста, на который вёл короткий пологий пандус, стояли рядами пленные – весь его, Сейна, 8-й барак. Он не стал на них смотреть, отвёл взгляд на надпись над воротами – совсем близко:

ЗЕЛЁНЫЙ ШАР

ЛАГЕРЬ ДЛЯ ИНТЕРНИРОВАННЫХ ЛИЦ №VIII ВОЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО ОБЪЕДИНЁННЫХ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ ЗЕМЛИ

– но ощущал, что на него глядят все. И отдельно ощущал взгляд матери. Смешно, не может быть, скажет кто-то – но он на самом деле это ощущал. Пленные молчали. Краем гла-

---

⁶ Руна «зиг».

за Сейн видел торчащий из помоста сбоку столб примерно в полтора его роста. Смотреть туда не хотелось, он и не смотрел, а всё равно видел и ощущал тошноту.

Охранники встали по краям помоста – слева-справа, точно по серединкам сторон. Сзади, из коридора, поднялись военный врач и пожилой офицер, Сейн не помнил его имени, хотя видел часто. Встал перед сторком – лицом к остальным пленным, кашлянул и коротко объяснил, в чём дело, как будто кто-то мог не знать. Его слова бумкали, как камешки в гулкую бочку, и при каждом слове в животе противно сжималось.

Появился ещё один землянин – в форме, но без оружия, зато в чёрной маске. В правой руке у него был длинный пластиковый прут. Врач ему что-то сказал, но в голове у Сейна стало пусто, он перестал понимать русский язык, но догадался по жесту, что надо сделать и – испытывая дурнотное омерзение! – непослушными пальцами расстегнул куртку, потом – завязал её, спустив вниз, рукавами вокруг пояса. Поскорей шагнул к столбу – чтобы землянину не пришлось его подталкивать. Ноги держали плохо. И сильно тошнило, так сильно, что Сейн испугался, что его вырвет. Он обнял столб, сцепил пальцы за ним, прислонился лбом. За спиной прозвенел голос Озлефра:

– Слушать! Отвернуться! Мы не видим и не слышим! – и слитный чёткий шорох с пристуком, как на параде. Стало легче – отвернулись. Этот фокус давно уже был отработан,

и земляне, сперва злившиеся, оравшие, ничего сделать с ним не могли и уже просто не обращали внимания.

Сколько же они сказали-то? Не запомнилось.

Потом был свист и жгучая боль. Вовсе не невыносимая, если говорить просто о боли. Невыносимость была в том, что он вынужден стоять и ничего не делать, когда его бьют, как раба. Ребята говорили, что нельзя напрягать спину, тогда будет не так...

...второй удар...

...больно. Снова боковым зрением Сейн увидел офицера, читавшего приговор. Его лицо кривилось, глаза были страдающими.

Третий удар. Четвёртый. Пятый.

Подошёл врач, отвёл от столба, придерживая за затылок и запястье. Офицер сказал коротко:

– Разойдись, – и прошёл мимо Сейна на пандус. Остальные земляне – следом.

Спина горела всё сильнее.

* * *

Мать не стала его жалеть, когда он подошёл и сел на раскладную кровать. Это было правильно и достойно – слова жалости оскорбили бы. А спина почти не болела – в душевой её смазали и перевязали. Это почти боевые раны, перевязывать их товарищи могут, в этом нет ничего зазорного.

– Без мужчины мы пропадём, – сказала женщина. Она сидела очень прямо, придерживая руками – как распахнуты-

ми крыльями – спящих малышей, сидящих на её коленях. И говорила тихо, но отчётливо, так, что слышал только старший сын.

– Отец найдёт нас, – твёрдо сказал Сейн.

– Я не об этом сейчас говорю. Мужчина здесь ты и сейчас – ты. Если земляне заберут тебя от нас, то мы пропадём.

– С чего ты взяла, что земляне могут меня забрать? – изумился Сейн. Мать покачал головой:

– Вы их слишком часто тревожите. Если они разозлятся – то нет ничего проще, как забрать зачинщиков. Тебя они запомнили. Что им стоит тебя изолировать? Или отнять... – её руки сделали судорожное движение, – ...отнять младших?

– Женщина, – Сейн ощутил, что по-настоящему сердится, – никто меня никуда не заберёт, и уж тем более, не заберёт малышей. Земляне не делают этого. Я даже не слышал про такое.

– А Дэорт? – на лице её было такое страдание, что вся злость прошла сразу. Сейн присел рядом на корточки, взял мать за локти, приподнялся, потёрся щекой о её щёку. Мягко сказал:

– Дэорт утонул. Утонул, когда убегал от погони. Его тело земляне искали и не нашли. И всё.

– Это земляне так говорят, – тихо, но уверенно ответила мать. У Сейна буквально опустились руки, он не знал, что и как сказать, чтобы успокоить её. А женщина продолжала: – Я стала меньше давать им молока. Я не могу не думать про

то, что сказала тебе.

– О Сила Сил, – выдохнул Сейн, опять садясь на свою постель. – Ну что ты выдумала себе?!

– Что значат для тебя мои слова? – спросила женщина. Сейн промолчал, только сделал правой рукой плавный длинный жест, в конце которого мягко обратил ладонь к животу женщины. – Тогда слушай их и реши, как сочтёшь нужным – решения мужчин больше слов женщин. Но помни, что ты ответил, когда я спросила.

– Я слушаю, мать, – ответил Сейн.

Голос его был тоскливым.

* * *

В ожидании, когда придёт Сейн (он запаздывал) Озлефр, Хасса, Рахард и Туизз полулежали у стены барака – снаружи, на пригреве. Хасса читал бумажную книгу – большую и довольно толстую. Рахард дремал. Озлефр и Туизз обсуждали, что делать дальше.

Эти пятеро (включая где-то запропавшего Сейна) были пусть и неформально, но чем-то вроде совета среди пленных мальчишек. И сейчас Туизз тихо, но настойчиво, злым голосом, предлагал перейти к активным действиям – устроить пару пожаров, это очень легко... Внимательно слушавший его Озлефр неожиданно отрезал:

– Я против, – и подтвердил свои слова жестом полного отрицания.

– Они всё равно ничего младшим и женщинам не сдела-

ют! – Туизз стукнул кулак о кулак. – А нам... ну что ж...

– Потому я и против, – перебил его Озлефр. – До военных объектов нам не добраться, а поджечь школу или магазин, зная, что они всё равно не будут вымещать на наших... это – подло. Земляне честные враги. И я не буду пачкаться.

– Еду ты у них крадёшь! – не без яда напомнил Туизз.

– Краду, потому что у меня младший брат и мать, потому что есть тут много тех, кто и украсть не может, а есть хочет, – спокойно ответил Озлефр. – И я сам хочу есть. Но позорить свой Род трусливым заведомо безнаказанным бесчинством – не стану сам и не дам никому.

– Я согласен, – Рахард сел прямо.

– И я, – с этими словами Хасса уронил наземь книгу и раздражённо добавил: – Глупость сплошная. Местами смешно, хотя и смех тупой, а так вообще – какой-то бред всмятку. Описаны сплошь полоумные трусы и лжецы. Даже странно, что это предки землян – будь они такими сейчас, мы бы их разгромили в два счёта.

– Что за книжка? – заинтересовался Озлефр.

– «Приключения бравого солдата Швейка»... ола, нет, – Хасса провёл пальцем по обложке, – «По-хож-де-ни-я». Похождения.

Но обсуждения книги не состоялось – на мальчишек упала тень, и Озлефр, радостно подняв голову, спросил:

– Сейн, ты где был? Мы думали, ты придёшь быстро.

Сейн опустил на корточки, сложил руки на коленях.

Вид у него был хмурый и задумчивый. Окинув остальных мальчишек взглядом, он сказал обстоятельно и безразлично:

– Сейчас я пойду проситься на работу к землянам.

Ответом ему было непонимающее молчание. Хасса неуверенно улыбнулся. Туизз резко сказал:

– Это глупая шутка.

– Я не шучу, – ладонь Сейна подтвердила сказанное. – И больше с вами в набег я не пойду.

Озлефр сделал быстрый, полный ярости, жест – абсолютное отрицание. Туизз, бледнея, начал подниматься, пригнув голову и сжав кулаки.

– У матери молоко пропадает, – по-прежнему безразлично сказал Сейн. – Она вбила себе в голову, что из-за наших набегов меня могут забрать из лагеря. Я ничего не смог ей доказать и теперь пойду наниматься за паёк.

Ему снова отвечало молчание. Но теперь оно было растерянным и полным сочувствия. Если сторки перед кем и были беззащитны, так это перед своими женщинами. Туизз сел. Рахарт отвернулся. Хасса подобрал книгу, начал отряхивать от пыли обложку.

Озлефр со спокойным лицом и страшно быстро ударил в стену барака, прогнув и пробив пластик. Вытащил кулак, с которого медленно закапала тут и там кровь. Покрутил его перед лицом.

Сейн накрыл кулак своей ладонью.

– Все могут сказать, что хотят, – сказал он. – У меня боль-

ше нет чести. Я не стою вашей крови. Вам ни к чему видеть мои глаза.

– Никто не скажет худого, – ответил Озлефр. Трое остальных мальчишек придвинулись ближе. – Того, что ты говорил о чести, что ты говорил о крови и что говорил о глазах – мы не слышали, и этого не было. Любой скажет так.

– Любой скажет так.

– Любой скажет так.

– Любой скажет так, – откликнулись три голоса.

* * *

Комендант лагеря майор Захаров принял Сейна практически сразу, как только тот пришёл. Сторки очень редко просили об аудиенции, отведённый для такого обязательный час в день ничем особо заполнен не был, и на вошедшего Сейна майор смотрел с некоторым интересом, который – по мере того, как мальчик очень спокойно и обстоятельно излагал своё дело – разбавлялся настоящим удивлением. Захаров был коротко, «ёжиком», как говорят земляне, стриженный, плечистый, с грубыми чертами лица, ещё более проигрывавшими от того, что вся правая сторона этого лица была испещрена шрамами, видимо, плохо поддавшимися восстановительной хирургии и терапии. Глаз у майора уцелел, но, видимо, были повреждены голосовые связки, отчего голос его казался каким-то механическим.

– Работать? – Захаров смерил мальчика-сторка внимательным взглядом этого самого единственного глаза. – Что

за шутки?

– Это не шутка, – сухо ответил Сейн. – Я бы хотел устроиться на работу. Такая возможность, как мне известно, есть.

Майор сплёл пальцы на крышке стола, постучал ими о столешницу. Спросил коротко, как выстрелил, в упор посмотрев на Сейна:

– Зачем?

– Я не готовлю ни побег, ни диверсию, – устало сказал Сейн. Он ощущал себя так, словно долго бежал с грузом и теперь никак не может его скинуть с плеч. – Разве вам не всё равно – зачем?

– Нет, – майор покачал головой. – Потому что слова они и есть слова. Побег ты, конечно, не готовишь, потому что не бросишь у нас мать и младших. А диверсию – вполне можешь. И пока я не услышу, зачем тебе работа – ты её не получишь.

– Вас трудно понять, землян, – Сейн криво повёл ртом. – То всё было увешано листовками с призывами записываться на работы за дополнительный паёк – а то такое недоверие...

– Это касалось групповой работы под контролем, там ясно было сказано, – напомнил Захаров, продолжая изучать сторка. – Ради тебя одного отрывать от дел охранника? Жирно будет. А очереди из желающих я за твоей спиной совершенно не вижу.

– Вы бы и меня тут не увидели, – вдруг спокойно и очень зло сказал мальчик. – Я бы сюда даже ногу не поставил. Если

я вам расскажу, зачем мне работа – вам станет легче? Если я вывернусь перед вами наизнанку – вам станет легче? Вам становится легче, когда вы нас унижаете? Если так – то это жалкое величие, я вам скажу.

Комендант какое-то время смотрел на него молча, пока Сейн не опустил глаза.

– Мне станет легче, когда мы вас разобьём до конца, и я вернусь домой, – так же спокойно, но беззлобно ответил тогда Захаров. Сейн вскинулся, побелел, на белом появились чёткие треугольники румянца. – Хочешь чаю? – вдруг продолжил майор. – Настоящий. Из Индии. Про Индию слышал?

– Читал, – ответил Сейн слегка удивлённо. – Я не пью чай... то есть, я пробовал, он горький.

– Дурак... – вздохнул Захаров и придвинул к себе планшетник. Что-то посмотрел, сказал, не отрывая взгляда от экрана: – Нужен подсобный рабочий в лесничество. Работа тяжёлая. Но на воздухе. Тебе сколько лет?.. А, вижу, – он провёл по экрану. – Можно вообще-то. Двенадцать часов рабочий день, учти. Пойдёшь? – и поднял на сторка глаза.

– Пойду, – тут же сказал Сейн. – А где это?

– Тебе всё объяснят, – Захаров поднялся. – И вот что ещё. Никакого охранника, конечно, с тобой не будет. Ну, что смотришь, как калм на бесплатную столовую? – Сейн опять вспыхнул, а комендант махнул на него рукой: – Смотришь, чаю не хочешь – иди, завтра утром тебя найдут. Иди, иди.

* * *

Выйти за ворота законно и свободно оказалось неожиданно трудно, и Сейн испугался. Нет, не того, что охранники смотрели ему вслед и хотелось – до головокружения! – обернуться и убедиться, что они не бегут следом и не целятся в него. Он испугался именно того, что ему было физически трудно вести себя так, как положено свободному. Не беглецу из плена, втихую обкрадывающему врага. А именно **свободному**. Трудно не красться, не ползти, не перебежать, а **просто идти**. О Предки, сбивчиво подумал Сейн, я сам не заметил, как превратился в раба по своим мыслям! Напакостить господину, и при этом бояться, что его окликнут и прикажут, что надо делать... и... и... даже ждать этого?!

Ну уж нет! Вот это – нет! Он ускорил шаг. Тут же заставил себя идти, как обычно – не спешить и не медлить. И не выдержал – быстро оглянулся.

Сейн уже отошёл от лагерных ворот на фoor'зу⁷, не меньше.

Часовые давно не смотрели ему вслед...

...Мыслей о свободе, конечно, хватило ненадолго. Только до опушки леса, куда вводила дорога – а скорей просто накатанная неширокая тропа. И ведь в лесу было хорошо! Но именно тут, едва он вошёл под первую древесную тень, прохладную и тёмно-синюю, Сейну сама собой пришла мысль: а что, если сбежать?! Убежать, поселиться где-нибудь

---

⁷ Фoorза = 250 м.

в далёких горах на горизонте, жить, охотиться и не думать о войне. О проигрыше. О своём унижении, которого ещё не было, но которое он представлял себе зримо и ясно. Ни о чём не думать, просто жить там.

Может быть, живи он на свете один, он бы так и сделал. Но он оказался тут, на этой дороге, чтобы помочь матери и младшим. И не имел права бежать – это был долг, пожалуй, даже выше долга перед Сторкадом.

Он представил себе место, где будет работать. Получалась всё та же плантация. Нет, для него одного никто не станет строить барак, как никто для него не выделит отдельного караульного. Но тот землянин, на которого он станет гнуть спину, запросто может превратить его жизнь в сплошное мучение. Даже ничего не нарушая. Может даже, сам не желая этого. Просто потому, что рядом с ним будет сторк. **Безответный** сторк. О Предки, он же в самом деле не сможет ответить ничем ни на оскорбление, ни на пренебрежение! Придётся просто работать и молчать! Молчать и работать! Как тем земным мальчишкам на плантациях Арк-Келана!

Эти мысли изводили – и чем больше Сейн думал, тем больше верил в нарисованную себе самому самим собой картину. Она казалась совершенно реальной, как будто он уже точно знал, что за человек его ждёт, какую работу придётся делать... Сейн остановился. Постоял, бешено кусая губы и кривясь – совершенно неприлично для сторка. Потом поспешно, вздрагивая от стыда и отвращения к самому себе

и перед тем, что предстояло, разулся и снял ремень. Повесил связанные им ботинки на плечо и не осмелился больше поднять взгляда, как будто шёл через густую, презрительно молчащую, толпу. В таком виде сторк мог просить только о милости. А он за этим и идёт. Но это было позором, невероятным, почти несмываемым позором для всего Рода. Я тут один и я не расскажу никому и никогда, напомнил-подумал Сейн и ощутил такое облегчение, что покачнулся. Лучше уж солгать и всю жизнь жить с ложью на душе, чем рассказать о таком. А землянин если и расскажет кому, и дойдёт этот рассказ до своих, до сторков – то всё равно землянам не поверят. Да и не поймёт землянин, что к чему. Решит, что сторк бережёт обувь.

Потом он оправил безрукавку-вест, который вчера мать подновила, восстанавливая порезанное и вытертое родовое шитьё. Конечно, металлической нити не было, пришлось пустить в ход обычную нитку, белую. Одёрнул рубашку под вестом. Проверил, не падают ли без ремня узкие штаны – не хватало ещё...

И зашагал дальше...

...Он прошёл ещё не меньше четырёх йэллов⁸ лесом, пока, наконец, не оказался около указателя «Кордон №9». Ниже на указателе были ещё какие-то сведения, довольно много, но Сейн не стал их читать. Он сперва жадно напился из тёмного, но чистого ручейка, звонко пробежавшего рядом

---

⁸ Йэлл = 1250 м.

с дорогой. И повернул уже на настоящую тропинку – узкую, не как дорога, но тоже наезженную. И всё-таки лес придвинулся совсем вплотную, под ногами местами стало сыровато, время от времени Сейн отводил от лица ветви. Отводил машинально, внутри всё туже и туже скручивался комок отчаянья, которое нельзя было даже разбавить злостью – злиться было просто не на кого, никто не гнал его на эту работу, кроме него же самого. Сторки всегда гордились умением владеть самими собой – но иногда оно оказывалось и проклятьем, не дававшим даже спасительно найти виновного вне себя же... Во всём, что происходит с тобой скверного, виновен ты. И слава твоих достойных поступков – тоже только тебе.

Так говорил отец.

Отец. Имел ли право Сейн теперь на воспоминания о нём?! Он скрипнул зубами и нарочно позволил очередной ветке сильно хлестнуть себя по лицу. Боль отрезвила. И почти сразу, как по волшебству, он увидел, что лес кончился, что тропинка выводит на солнечную поляну, прямо к открытым воротам, за которыми виден двор и угол дома. Над воротами висела доска с новой надписью —

КОРДОН №9

**Императорский Гражданский Корпус Лесничих
Русской Империи**

Стараясь больше уже ни о чём не думать, Сейн почти бегом прошёл по тропинке в ворота. И остановился сразу за ни-

ми, с невольным интересом попавшего в новое место мальчика оглядываясь.

Дом, оказывается, был небольшой, а двор – широкий, с многочисленными пристройками и даже вертолётной площадкой в дальнем конце (там под чехлом явно стояла и сама машина). Над входом (крыльцо было широким и низким, столбики, поддерживавшие навес, покрывала красивая резьба, как, впрочем, и края окон, и верх крыши) широко свисал к земле большой зелёный флаг, а на нём – видна была золотая рогатая голова какого-то животного на фоне древесного листа и надпись: «РУССКИЙ ЛЕС – РУССКИЙ ДОМ!»

И, едва Сейн рассмотрел флаг, как на крыльцо бесшумно вышел человек. И оттуда сразу посмотрел на стоящего в воротах мальчика-сторка...

...То, что землянин был когда-то военным, Сейн определил тут же и безошибочно. Стоило ему всего лишь пошевелиться и взглянуть. Одет землянин оказался просто и удобно – распахнутая на плотной рубашке рабочая куртка, широкий пояс с инструментами, пистолетом и ножом, грубые штаны, заправленные в узкие сапоги. На рукаве куртки была та же эмблема, а ниже – три четырёхконечные звёздочки, Сейн не знал, что всё это означает, у землян-военных знаки различия были совсем другими⁹.

Землянин смотрел молча и внимательно. И Сейн представил себя со стороны и по глазам землянина – серым внима-

---

⁹ Поручик Императорского Гражданского Корпуса Лесничих.

тельным глазам – понял с ужасом каким-то особенным чувством, что тот **знает** об обычаях сторков. И сейчас видит перед собой труса, который пришёл продать себя в рабство, чтобы набить брюхо.

Сердце остановилось, и Сейн обрадованно подумал, что умирает. Сейчас ещё мгновение – и всё кончено, и пусть это предательство по отношению к матери и младшим, но он – он не может. Простите.

Но он не умер. Вместо этого он ощутил, что по щекам медленно катятся слёзы. Нет, Сейн не плакал, слёзы выкатывались и текли сами собой. Ему даже не было стыдно – через стыд он уже переступил, когда пришёл сюда. И даже почти спокойно смотрел, как землянин легко спустился с крыльца, подошёл почти вплотную, не сводя с него, Сейна, взгляда. Сказал, как ни в чём не бывало, словно не видел ни слёз, ни вызывающе-беспомощной позы мальчишки:

– Мне тут, паря, про тебя говорили. И ещё одно: не советуют, такое дело, брат. Опасаются. Как думаешь?

У землянина была странный акцент, он как будто бы округлял звук «о», делал его выпуклым и важным. И ещё он вставлял какие-то незнакомые слова. Сейн раньше такого произношения никогда не слышал... и не знал, что ответить. Поэтому просто тихо отозвался:

– Я пришёл работать. Я ничего не сделаю плохого.

Землянин хмыкнул. Осмотрел сторка снова – с головы до ног. Был лесник не старый совсем, круглолицый, русский,

с небольшими усиками и серо-голубыми глазами, пристальными и непонятными, как у всех почти виденных Сейном землян.

– Сказать-то... – лениво начал он. Подумал и продолжал: – Сказать-то так любой может. Может, тогда и скажешь, паря, с чего ты так на работу загорелся?

Терять было уже нечего. Всё уже всё равно было потеряно. И Сейн пояснил равнодушным голосом – так говорят из могил в полосе прибоя не нашедшие путей к Предкам трусы и предатели:

– У меня в лагере мать. И двое младших. Они ещё у груди. Мать боится за меня, потому что я ворую еду у землян. Боится, что меня заберут от неё. У неё пропадает молоко от страха и она не слышит моих слов. В лагере кормят мало. Чтобы было больше еды, я могу или красть – или работать. Теперь – могу только работать.

Слёзы текли по щекам сами. Не унимались, будь они прокляты. Даже, кажется, капали с подбородка.

Лесник кашлянул. Посмотрел куда-то за спину Сейна и буркнул:

– Ты бы хоть глядел, куда идёшь. Так и без глаз остаться можно. Вон, как тебя веткой-то хлестнуло, до сих пор глаза слезятся...

Сейн почувствовал, что немеет и каменеет. Землянин что – дурак?! Или и правда повезло до такой степени, что он не знает обычаев сторков – совсем – и решил, что глаза

у него, Сейна...

...да нет. Он не дурак. Он...

...Впервые в жизни, впервые в жизни Сейн испытал к кому-то из землян чувство, которое можно назвать «благодарностью». Сам испугался этого ощущения, но стыд и облегчение были так велики, что испуг оказался слабей этого самого чувства.

– Меня зовут Сейн, – он не стал представляться полным именем, зачем примешивать к своему позору Род... станется и того, что землянин вполне может читать родовые вышивки, надо было их не подновлять, а наоборот – сорвать... хотя – нет, это чтение слишком сложно для землян... – Так вы берёте меня на работу?

– Беру, – отозвался землянин. Задумчиво продолжал: – Сейн, значит... А я Анатолий... – он поморщился, словно ему не нравилось своё собственно имя, – чёрт, зови просто дядя Толя... Есть хочешь?

– Хочу, – Сейн сказал это почти вызывающе, вспомнив слова из Наставления Асгорна: *«В гостях всегда ешь много. Если гостишь у друга – это будет ему приятно. Если у врага пришлось гостить – будет ему это неприятно. Ты же всяко останешься прав...»*

– Ну так пошли тогда, перекусим немного, времени-то не хватает, – махнул Дядя Толя рукой в сторону крыльца. – А потом покажу тебе, как тут и что... – и добавил: – Обуйся, ноги покалечишь в лесу. Вон кран в стене торчит, ноги

вымой. . . Хотя погоди, я тебе рабочую одежду сейчас выдам, чего своё грязнить?

. . . Сейн не врал, когда сказал, что хочет есть. Завтрак в лагере был, как обычно, тощеватым. А за время пути он и ещё проголодался. Поэтому не стал чиниться, когда землянин вынес прямо на крыльцо большую тарелку, на которой горой лежали бутерброды – из подчерствевшего белого хлеба, правда, но зато их было много, и мясо, с которым они были сделаны – толстыми кусками – оказалось умопомрачительно вкусным, сочным, нежным и острым. А ещё была здоровенная кружка с почти чёрным и очень сладким напитком, горячим, в котором Сейн не сразу опознал всё тот же чай, который так любят земляне и который показался ему горьким, когда однажды сторк его попробовал. Дядя Толя за едой молчал, поглядывая то на небо, то во двор. Потом старательно подобрал с тарелки все крошки, ловко закинул их в рот и поднялся:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.